

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЕДИНЫХ РЕЕСТРОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Коренная А.А.¹

Ключевые слова: единый государственный реестр, реестры владельцев ценных бумаг, система депозитарного учета, фальсификация, документальный обман, неправомерный доступ, ложные сведения.

Аннотация

Цель работы: мониторинг содержания уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, выявление позитивного и негативного в признаках деяния, формирование теоретико-прикладной модели уголовно-правовой охраны реестров и системы депозитарного учета.

Метод исследования: в качестве общенаучного метода исследования применяется всеобщий диалектический метод познания. В качестве базового междисциплинарного метода — метод теоретического моделирования как способ построения идеального образа, результатом которого является нормативная модель правового регулирования. Специальный метод познания, лежащий в основе настоящей работы — формально-логический.

Результаты исследования: выявлены существенные недостатки уголовной ответственности за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета. Автор приходит к выводу, что рассматриваемое преступление относится к полиобъектным деяниям, и критикует подобный подход законодательства в связи с нарушением принципов справедливости и равенства. Применение рассматриваемой конструкции приводит к дисбалансу критериев дифференциации в части установления квалифицированных составов преступлений.

Практическая ценность: по результатам исследования высказаны предложения о совершенствовании ст. 170.1 УК РФ.

DOI: 10.21681/2226-0692-2024-2-44-53

Введение и постановка задач

Ст. 170.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) введена в уголовный закон Федеральным законом от 01.07.2010 г. № 147-ФЗ. В соответствии с официальными данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ, к уголовной ответственности привлекаются лица только по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ. По остальным частям рассматриваемой нормы статистические показатели нулевые. По ч. 1 ст. 170.1 УК РФ в 2019 году осуждено 37 человек, в 2020 г. — 48, в 2021 г. — 56, в 2022 г. — 82, за первое полугодие 2023 г. — 57. Кроме того, значительное количество уголовных дел прекращено по иным основаниям: в 2019 г. — 68 уголовных дел, в 2020 г. — 96, в 2021 г. — 97, в 2022 г. — 96, за первое полугодие 2023 г. — 34. Как показывает анализ судебной практики, таких оснований два: истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности и освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа.

Исследования и обсуждения

Непосредственный объект рассматриваемого преступления, также как и преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ, имеет сложную двухфакторную структуру. В ст. 170.1 УК РФ криминализованы деяния, различные по своей правовой природе. Объединяет их общая форма противоправного поведения — рейдерство. Рассматриваемая статья введена в уголовный закон в рамках так называемого «антирейдерского пакета» (также криминализованы: ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.5 и ст. 285.3). Рейдерство (от англ. raid — налет или raider — налетчик) — недружественное поглощение, захват компании, предприятия помимо воли его собственников и законных управленцев. В результате действий рейдеров происходит смена корпоративного управления, что в дальнейшем может привести к потере собственности. Рейдерство традиционно подразделяется на белое, серое и черное. Уголовный закон, безусловно, направлен на защиту от «черных» рейдеров, использующих явно противоправные схемы захвата бизнеса и собственности.

¹ Коренная Анна Анатольевна, кандидат юридических наук, адвокат, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Российская Федерация. ORCID: 0000-0001-5704-4467. E-mail: lawer_ann@mail.ru

В пояснительной записке к проекту федерального закона № 353716-5 «О внесении изменений в УК РФ и в ст. 151 УПК РФ» приводится более общее понятие (захват имущества, имущественных и неимущественных прав, денежных средств предприятий) и обобщенные задачи принятия в виде направленности на повышение эффективности противодействия рейдерству. Нормативного понятия «рейдерство» не существовало на момент принятия закона и не существует до настоящего времени. Сам термин носит собирательный и оценочный характер как в части общей формулировки, так и в части обязательных элементов. В 2020 г. указанную проблему пытались решить, направив инициативу о введении в УК РФ ст. 169.1 «Рейдерский захват». В законопроекте устанавливалось, что под рейдерским захватом понимается ограничение в самостоятельности, в реализации прав и законных интересов компании, иное вмешательство в деятельность компании, изъятие имущества, совершенное с помощью рейдерского захвата, если ущерб от преступления составляет более 3 млн рублей, а также с использованием лицом своего служебного положения, либо действия, направленные на переход права собственности на имущество предприятия, если перечисленные действия совершены со злоупотреблением кредитором, либо учредителем (участником) юридического лица своими правами. Применение насилия или угроза его применения являются обязательными признаками данного преступления. Однако данную инициативу не поддержали в Государственной Думе [1].

В юридической литературе предложено множество определений понятия рейдерства с выделением различных содержательных признаков, объединяемых исключительно негативным, противоправным характером. Под рейдерством предложено понимать:

- недружественный, также силовой захват, то есть поглощение какой-либо компании против воли ее владельцев, а также слияние бизнес-структур путем передачи контрольного пакета акций и (или) смены владельца [2, с. 42];
- система уголовно-наказуемых действий физического или юридического лица, которая направлена на поглощение юридического лица, осуществляемая против воли собственника или руководителя организации [3, с. 107];
- противоправное поглощение юридических лиц [4, с. 169];
- совершение незаконных действий или бездействия, которые направлены на закрепление контроля над организацией, ее имуществом, приобретение прав на активы организации, которые сопровождаются причинением ущерба гражданам и организациям, а также публично-правовым образованиям [5, с. 209].

Из содержания проекта федерального закона № 353716-5, в пояснительной записке к которому содер­жится термин «рейдерство», следует вывод, что

рейдерские захваты осуществляются следующими способами: представление в регистрирующий орган или уполномоченную организацию документов и сведений, связанных с участием в уставном капитале или с управлением юридическим лицом, что влечет фальсификацию реестровых данных, внесение недостоверных сведений в реестры лицом, в обязанности которого входит ведение таких реестров, нарушение порядка учета прав на ценные бумаги, воспрепятствование реализации права на участие в общем собрании (права на управление юридическим лицом). Таким образом, в понимании уголовного закона рейдерский захват представляет собой неправомерное получение права корпоративного управления посредством участия как в уставном капитале юридического лица, так и в работе органов управления. Исходя из оснований самостоятельной криминализации и общего уголовно-правового подхода к содержанию рейдерства, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие и реализующиеся в связи с осуществлением права на занятие коллективной экономической деятельностью. Правовая и фактическая реализация подобных отношений происходит в форме так называемого корпоративного управления и участия в уставном капитале юридического лица.

Термин «корпоративное управление» (англ. corporate governance) впервые стал использоваться американскими экономистами. По мере развития корпоративной практики, в международно-правовом акте, одобренном в апреле 1999 г. Организацией экономического сотрудничества и развития, было сформулировано следующее определение корпоративного управления: «Корпоративное управление относится к внутренним средствам обеспечения деятельности корпораций и контроля над ними. Одним из ключевых элементов для повышения экономической эффективности является корпоративное управление, включающее комплекс отношений между управленческими системами (менеджментом, администрацией) компании, ее советом директоров (наблюдательным советом), акционерами и другими заинтересованными лицами (стейкхолдерами). Корпоративное управление также определяет частно-правовые механизмы, с помощью которых формулируются цели компании, определяются средства их достижения и контроля над ее деятельностью посредством возложения на субъекта обязанности по осуществлению организационно-управленческого воздействия (то есть фактически представляет собой частно-правовую координацию)» [6, с. 86].

Понятие «корпоративное управление» в российском законодательстве отсутствует. В экономической науке сформировалось два основных подхода к определению корпоративного управления. Первый подход основан на определении предмета корпоративного управления как специфических отношений, возникающих между органами управления и долж-

ностными лицами эмитентов, владельцами ценных бумаг таких эмитентов, а также между другими заинтересованными лицами, так или иначе вовлеченными в управление эмитентом как юридическим лицом [7, с. 28]. Второй подход к определению корпоративного управления — это система управленческих отношений между взаимодействующими хозяйствующими субъектами по поводу субординации и гармонизации их интересов, обеспечения синергии как их совместной деятельности и их взаимоотношений с внешними контрагентами в достижении поставленных целей [8, с. 48]. Таким образом, экономическая составляющая корпоративного управления заключается в разделении управляющего менеджмента и собственников.

В юридической науке под корпоративным управлением предложено понимать:

- › систему организационных и имущественных отношений, с помощью которой акционерное общество (корпоративная организация) реализует, представляет и защищает интересы своих инвесторов и акционеров [9, с. 47];
- › систему и определенный набор компетенций создаваемых органов корпораций как юридических лиц гражданского права [10, с. 474];
- › систему взаимоотношений исполнительных органов акционерного общества, совета директоров, акционеров и иных заинтересованных сторон, а также как инструмент определения целей общества и средств их достижения этих целей, обеспечения контроля за работой общества. При этом к базовым целям корпоративного управления отнесены формирование системы обеспечения сохранности и эффективного применения средств акционеров, минимизации рисков инвесторов [11, с. 195];
- › корпоративное управление в условиях российского правопорядка — это деятельность органов юридического лица в соответствии с их компетенцией, определенной законом и учредительным документом корпорации, направленная на реализацию уставных целей организации и реализацию имущественных интересов участников [12, с. 176].

Корпоративное управление в уголовно-правовом значении, по нашему мнению, представляет собой систему общественных отношений, возникающих и реализующихся в связи с участием лица (физического или юридического) в уставном капитале юридического лица и возникающим в этой связи правом на принятие решений о деятельности такого юридического лица (право на участие в управлении), а также в связи с занятием должности в органах управления юридическим лицом. Принятие тех или иных управленческих решений в пределах компетенции соответствующего органа юридического лица определяет объем его прав и обязанностей, в том числе имущественных по отношению к иным участникам гражданского оборота. Имущественные

отношения, вытекающие из участия в уставном капитале организации, а также в связи с замещением должности в органе управления также подвергаются негативному воздействию в результате совершения рассматриваемого преступления, на что указывает альтернативная цель совершения преступления — приобретение права на чужое имущество. Имущественные последствия являются вторичными, однако находятся в причинно-следственной связи с рейдерским захватом. Представляется, что именно приобретение права на чужое имущество, а равно извлечение прочих экономических выгод, в том числе от использования имущества юридического лица, а равно неимущественных прав, являются целью рейдерских захватов.

Дополнительный непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, необходимо определять дифференцированно для каждой из перечисленных в диспозиции статьи форм преступного поведения. При представлении заведомо недостоверных данных в целях внесения соответствующих сведений в ЕГРН дополнительным объектом являются общественные отношения по обеспечению достоверности сведений государственного информационного ресурса. На нарушение рассматриваемым преступлением отношений, связанных с институтом государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который призван обеспечить стабильность гражданского оборота и хозяйственной деятельности, а также учет и достоверность сведений о налогоплательщиках, указывал и Конституционный Суд РФ². С учетом формального характера состава рассматриваемого преступления и переноса момента его окончания на наиболее раннюю стадию преступной деятельности, имущественные отношения в данном случае не подвергаются непосредственному негативному воздействию, что, по нашему мнению, не позволяет выделять их в качестве дополнительного непосредственного объекта. Правовое значение реестра владельцев ценных бумаг и системы депозитарного учета иное, нежели ЕГРЮЛ, за исключением фиксации в них лиц, имеющих право на участие в корпоративном управлении. В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее по тексту — Закон о рынке ценных бумаг) реестр владельцев ценных бумаг — формируемая на определенный момент времени система записей о лицах, которым открыты лицевые счета, записей о ценных бумагах, учитываемых на указанных счетах, записей об обременении ценных бумаг и иных записей в соответствии с законода-

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2012г. № 1391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Носачевой Ирины Альбертовны на нарушение конституционных прав ее подопечного пунктом 1 статьи 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 22.1 и 22.3 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и постановлением правительства Омской области».

тельством РФ. Таким образом, в реестре владельцев ценных бумаг фиксируется информация о правах собственности на ценные бумаги и иные значимые для владения такими бумагами данные. Состав реестра и перечень содержащийся в нем информации определен в постановлении ФКЦБ РФ от 02.10.1997 № 27 «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг». Основные документы, входящие в состав реестра: анкета зарегистрированного лица; передаточное распоряжение; залоговое распоряжение; выписка из реестра; журнал учета входящих документов; регистрационный журнал; журнал выданных, погашенных и утраченных сертификатов ценных бумаг. В соответствии со ст. 7 Закона о рынке ценных бумаг, депозитарной деятельностью признается оказание услуг по учету и переходу прав на бездокументарные ценные бумаги и обездвиженные документарные ценные бумаги, а также по хранению обездвиженных документарных ценных бумаг при условии оказания услуг по учету и переходу прав на них, и в случаях, предусмотренных федеральными законами, по учету цифровых прав. Согласно п. 3.1.2, 3.1.3 «Базового стандарта совершения депозитарием операций на финансовом рынке система учета» система учета депозитария является совокупностью данных депозитарного учета и записей, вносимых в учетные регистры, предназначенные для фиксации в депозитарии текущих значений реквизитов объектов депозитарного учета (анкеты) и регистры, предназначенные для фиксации действий депозитария по исполнению депозитарных операций (журналы). Депозитарий осуществляет ведение следующих учетных регистров: учетный регистр, содержащий сведения о депонентах и, если это предусмотрено условиями, иных лицах (анкета депонента, иного лица); учетный регистр, содержащий сведения и записи о ценных бумагах, в отношении которых он оказывает услуги по учету прав (анкета выпуска); учетный регистр, содержащий записи по счету депо (иному счету), субсчету депо или разделу счета, а также записи об изменении сведений о депоненте или ценных бумагах в хронологическом порядке (журнал операций); иные учетные регистры, определенные Внутренним регламентом³. Общие положения о правовом значении, содержании и видах ценных бумаг содержатся в ст. 142 ГК РФ, в соответствии с которой ценными бумагами являются документы, соответствующие установленным законом требованиям и удостоверяющие обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (документарные ценные бумаги). Ценными бумагами признаются также обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные

бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ (бездокументарные ценные бумаги). Ценными бумагами являются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке.

Ценные бумаги — сложный финансовый инструмент. Их правовое значение в экономике определяется совокупностью атрибутивных признаков:

1) ценная бумага удостоверяет два вида имущественных прав: а) имущественные права в качестве титула собственника (акции, коносаменты и т. д.); б) имущественные права, определяющие отношение займа между собственником бумаги и лицом, выпустившим ее в обращение (облигации, векселя и др.). Основным имущественным правом, заключенным в ценной бумаге, является право на доход [13, с. 223];

2) ценные бумаги являются инструментом инвестирования. Инвестиционное значение ценной бумаги определяется совокупностью следующих функций: а) для юридического лица, эмитирующего акции в случае первой эмиссии, формируется уставной фонд корпорации, при последующей эмиссии такой фонд увеличивается. Тем самым корпорация получает внешние ресурсы для осуществления предпринимательской деятельности; б) в вексельных отношениях векселедержатель соглашается на отсрочку платежа, тем самым позволяя векселедателю в течении срока, определенного векселем, сохранить (не уменьшать) собственные оборотные средства. Экономическое содержание указанной операции позволяет оценить ее как косвенное инвестирование в хозяйственную деятельность векселедателя; в) облигации (бонды в терминологии фондового рынка), представляя собой долговую ценную бумагу, что позволяет ее эмитенту, которым может быть и государство, привлечь ресурсы сторонних лиц. Ценная бумага как представитель капитала для ее собственника не всегда является капиталом. Выгода от приобретения ценных бумаг для инвестора может варьироваться в достаточно широком диапазоне: дивиденды (проценты), корпоративные права, доход от спекулятивных операций, доступ к дефицитным активам (целевые облигации, жилищные сертификаты), льготы (конвертируемые облигации) и т. д.;

3) ценные бумаги являются отражением реально функционирующего капитала определенного вида: товарного, денежного или производительного. При этом каждая ценная бумага, в зависимости от направлений использования капитала, полученного в обмен на нее или представителем которого она является, может отражать разные части реально функционирующего капитала или даже их комбинации одновременно, а потому представлять этот капитал в целом в различных его формах, а также содержа-

³ «Базовый стандарт совершения депозитарием операций на финансовом рынке» (согласовано Комитетом по стандартам по депозитарной деятельности, протокол от 16.11.2017г. № КДП-9).

ние связи владельца ценной бумаги с общим капиталом [14, с. 97];

4) ценные бумаги — это самостоятельная форма существования капитала. В отличие от прочих форм капитала (производительной, товарной, денежной), капитал, опосредованный ценной бумагой, может передаваться опосредованно и обращаться на рынке как самостоятельный товар, приносящий доход. У собственника капитал, функционирующий в реальном секторе экономики, отсутствует, но имеются имущественные права на него, которые и зафиксированы в ценной бумаге (концепция «фиктивного капитала») [15, с. 57]. Фиктивный (опосредованный в ценных бумагах) и реальный капитал (работающий в реальном секторе экономики и непосредственно участвующий в процессе воспроизводства продукта потребления) — это различные формы существования единого общественного капитала.

Указанное определяет значение ценных бумаг в процессе экономической деятельности, соответственно, общественную опасность противоправных деяний, совершаемых в связи и по поводу выпуска, оборота и учета прав на ценные бумаги, в том числе связанных с внесением недостоверных сведений в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета как неотъемлемых элементов рынка ценных бумаг.

На основе анализа правовых норм и экономического содержания ценных бумаг и реестров, регистров их учета, а также реестров как единых государственных информационных ресурсов, мы приходим к следующим выводам:

- основанием криминализации преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, явилась необходимость противодействия рейдерским захватам. Уголовно-правовое значение рейдерства определяется противоправным получением права корпоративного управления;
- общественная опасность и, как следствие, непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, нами определяется исходя из целей криминализации деяния. В этой связи определим непосредственный объект фальсификации ЕГРЮЛ, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета как общественные отношения, возникающие в связи с участием физических и юридических лиц в уставном капитале корпорации (право на коллективное осуществление экономической деятельности) и возникающее в связи с таким участием право на принятие решений о деятельности корпорации;
- дополнительный объект рассматриваемого преступления имеет двойственную, нетождественную правовую природу и определяется в зависимости от способа выполнения объективной стороны преступления. При совершении преступления путем представления документов, содержащих заведомо ложные сведения для вне-

сения недостоверных данных в ЕГРЮЛ, — это общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью обеспечения достоверности сведений государственных информационных ресурсов. Такие отношения носят публичный характер. При предоставлении аналогичных документов для включения недостоверных сведений в реестр владельцев ценных бумаг или систему депозитарного учета, дополнительным объектом являются имущественные отношения, что связано с экономическим содержанием ценной бумаги как финансового инвестиционного инструмента, фиктивной формы существования капитала, предполагающей возможность извлечения различными способами. Отношения вне зависимости от субъектного состава участников носят частный характер, однако для отдельных видов ценных бумаг или эмитентов могут иметь публичный элемент. Объединение в одном составе деяний, имеющих различные объекты, в том числе дополнительные, на наш взгляд, препятствует установлению санкции, соответствующей характеру и степени общественной опасности преступления;

- деяние, криминализованное в ч. 2 ст. 170.1 УК РФ, исходя из цели совершения преступления (*сокрытие у клиента организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, предусмотренных законодательством РФ признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации либо оснований для отзыва (аннулирования) лицензии и (или) назначения в организации временной администрации*), имеет иной непосредственный объект, так как его общественная опасность обусловлена не причинением имущественного вреда и не невозможностью реализовывать в установленном законом порядке корпоративные права, а риском последствий осуществления деятельности профессионального субъекта (кредитная или финансовая организация), обладающих признаками банкротства либо основаниями для отзыва лицензии. Представляется, что объединение в одной уголовно-правовой норме даже в разных частях различных по общественной опасности деяний является неверным — как с точки зрения юридической техники, так и с позиции содержания уголовно-правового запрета. Указанное не затрудняет правоприменение, делая норму на этапе принятия невостробованной.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, выражается в совершении трех действий — представление документов, содержащих заведомо ложные данные, внесение недостоверных сведений уполномоченным лицом (ч. 4) либо путем неправомерного доступа (ч. 2), а равно подтверждение недостоверных сведений (ч. 4), посредством которых раскрывается общая категория «фальсификация», содержащаяся в наименовании статьи. В рассматриваемом составе законодатель пе-

ренес момент окончания преступления на наиболее раннюю стадию преступной деятельности рейдеров — представление документов для регистрации или внесения сведений в реестр владельцев прав ценных бумаг или системы депозитарного учета, предусмотрен при этом дополнительный криминализирующий признак — цель представления документов.

В диспозиции ст. 170.1 УК РФ обозначены цели совершения преступления: первая заключается во внесении в соответствующие учеты недостоверных сведений об учредителях (участниках) юридического лица, о размерах и номинальной стоимости долей их участия в уставном капитале хозяйственного общества, о зарегистрированных владельцах именных ценных бумаг, о количестве, номинальной стоимости и категории именных ценных бумаг, об обременении ценной бумаги или доли, о лице, осуществляющем управление ценной бумагой или долей, переходящих в порядке наследования, о руководителе постоянно действующего исполнительного органа юридического лица или об ином лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица; вторая — в иных целях, направленных на приобретение права на чужое имущество. Представление документов как форма выполнения объективной стороны проблем в понимании и квалификации не вызывает. Представление документов, содержащих заведомо ложные сведения, осуществляется в порядке и в соответствии с формой, установленных Законом о регистрации юридических лиц и Законом о рынке ценных бумаг. Преступление считается оконченным с момента передачи документов уполномоченному лицу для осуществления юридически значимых действий. Состав преступления сконструирован как формальный, наступление последствий в виде внесения соответствующих записей в реестры или системы депозитарного учета не требуется. Однако сформулированная законодателем цель вызывает вопросы как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике.

Во-первых, диспозиция ст. 170.1 УК РФ сформулирована излишне казуистично и с нарушением логического основания. Отказываясь от указания на характер заведомо ложных сведений, законодатель далее перечисляет, какие именно данные реестров и системы депозитарного учета фальсифицируются. В этой связи заведомо ложные сведения в любом случае относятся к тем видам сведений, которые в результате представления заведомо ложных сведений приобретают характер недостоверных. Во-вторых, в юридической литературе справедливо ведется полемика относительно альтернативности поименованных в статье целей [16, с. 98] либо обязательности каждой из них [17, с. 87].

Цели, обозначенные в статье, существенно различаются по содержанию.

Первая цель — формальная: преступные намерения виновного лица ограничиваются включением

в реестры и регистры не соответствующих действительности данных.

Вторая — содержательная, является подготовительным этапом хищения, которое охватывается умыслом лица, представляющего документы, содержащие заведомо ложные данные.

Поэтому согласимся с тем, что первая цель, по сути, выступает в качестве способа достижения второй [18]. Правоприменительная практика цели преступления, указанные в диспозиции ст. 170.1 УК РФ, дифференцирует, каждая цель рассматривается как самостоятельная. Для квалификации действий по ст. 170.1 УК РФ достаточно установления цели внесения заведомо ложных сведений о перечисленных данных в реестры и системы депозитарного учета⁴.

Обратим внимание, что в схожем составе преступления — ст. 173.1 УК РФ — законодатель использует иной прием, во-первых, связывая момент окончания преступления с внесением сведений о подставном лице в ЕГРЮЛ, во-вторых, отказываясь от указания цели представления документов. Представляется, что диспозиция ст. 170.1 УК РФ может быть сформулирована аналогичным образом. В ч. 2 ст. 170.1 УК РФ установлена ответственность за внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета. Неправомерный доступ как способ выполнения объективной стороны преступления характерен для компьютерных преступлений (гл. 28 УК РФ). Применительно к ст. 272 УК РФ неправомерным доступом к компьютерной информации является получение или использование такой информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для этого полномочиями, либо в нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка независимо от формы такого доступа (путем проникновения к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, непосредственно либо путем удаленного доступа)⁵. Для квалификаций действий лица по ч. 2 ст. 170.1 УК РФ неправомерный доступ должен быть осуществлен лицом, не имеющим право на такой доступ. Лицо, имеющее право доступа к данным ЕГРЮЛ, реестра владельцев ценных бумаг или к системе депозитарного учета и внесшее недостоверные сведения, привлекается к уголовной ответственности по специальным нормам ст. 285.3 и

⁴ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 по делу № 77-3957/2022; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 № 77-1471/2022; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2021 № 77-2722/2021; Апелляционное определение Московского городского суда от 13.12.2018 по делу № 10-20986/2018.

⁵ П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

ст. 185.2 ч. 3 УК РФ, способ доступа (физически или удаленно) значения для квалификации не имеет. Применительно к рассматриваемому способу выполнения фальсификации ЕГРЮЛ, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета цель внесения недостоверных сведений в качестве криминообразующего признака не указана.

В ч. 1 ст. 170.1 УК РФ минимальный размер наказания предусмотрен в виде штрафа от 100 тыс. руб., максимальный — в виде лишения свободы сроком на 2 года. На аналогичный срок может быть назначено также наказание в виде принудительных работ. В схожей по содержанию ч. 1 ст. 173.1 УК РФ минимальный размер наказания — аналогичный ч. 1 ст. 170.1 УК РФ, тогда как максимальное наказание составляет 3 года лишения свободы (принудительные работы могут быть назначены на тот же срок). Объясним это различными моментами окончания преступлений, соответственно различными последствиями. Как мы указывали выше, рассматриваемые деяния, независимо от способа их совершения, за исключением предусмотренного ч. 4, являются этапами рейдерского захвата, который в конечном итоге имеет целью получение имущественных выгод. На указанное обстоятельство указывает и цель совершения преступления — приобретение права на чужое имущество. В этой связи, рассматриваемое преступление может являться и в большинстве случаев является подготовительной стадией хищения (ст. 159 УК РФ, возможно, ст. 160 УК РФ). Если аналогичное деяние квалифицируется по ст. 159 УК РФ как покушение на хищение, то минимальное наказание, назначенное по правилам ч. 2 ст. 66 УК РФ, составит 60 тыс. руб. (ч. 1), максимальное — 5 лет лишения свободы (ч. 4).

В ч. 2 ст. 170.1 УК РФ наказание формально более жесткое за счет отсутствия возможности назначения штрафа. Минимальное наказание — ограничение свободы до 2 лет. Максимальное также увеличено, однако только за счет размера штрафа. Он составляет сумму до 300 тыс. руб. либо эквивалентную доходу осужденного за период до 2 лет, что в любом случае мягче, чем в ст. 173.1 УК РФ.

Ч. 3 ст. 170.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за совершение деяния с насилием или угрозой его применения, предусматривает два вида наказаний — принудительные работы сроком до 5 лет и лишение свободы сроком до 7 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет или без такового. Насилие либо угроза его применения является квалифицирующим признаком еще в четырех составах гл. 22 УК РФ, а в ст. 179 УК РФ применение насилия является квалифицирующим признаком, а угроза его применения — основным криминообразующим признаком. При этом единства в подходе к установлению наказания за подобные деяния в гл. 22 УК РФ нет. Так, в ч. 3 ст. 178 УК РФ (квалифицирующий признак — без диффе-

ренциации) предусмотрено наказание в виде принудительных работ сроком до 5 лет и лишение свободы сроком до 7 лет. Однако в качестве обязательного дополнительного наказания для двух основных видов предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком от 1 года до 3 лет. В ст. 179 ч. 1 УК РФ минимальное наказание — штраф до 300 тыс. руб., максимальное — лишение свободы до 2 лет со штрафом до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 мес. либо без такового. В ч. 2 ст. 179 УК РФ — безальтернативное лишение свободы сроком до 10 лет. В ч. 2 ст. 185.5 УК РФ (схожей по общественной опасности со ст. 170.1 УК РФ) минимальное наказание — штраф от 100 тыс. до 500 тыс. руб., максимальное — лишение свободы до 5 лет со штрафом в размере от 100 тыс. до 300 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет, также предусмотрено назначение принудительных работ сроком до 5 лет. В квалифицированном составе п. «б» ч. 3 ст. 194 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 5 до 10 лет со штрафом до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового.

Как видим, диапазон санкций за совершение преступления с насилием или угрозой его применения в гл. 22 УК РФ широкий, что можно объяснить различным уровнем общественной опасности основного деяний. Однако представляется, что в случае преступлений экономической деятельности любое насилие либо угроза его применения как несвойственные данной группе преступлений должны получать схожую санкционную оценку.

Ст. 170.1 УК РФ содержит два квалифицирующих признака, относящихся к двум основным составам: в ч. 3 установлена ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 (*внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета*), с применением насилия или угрозы его применения; в ч. 5 установлена повышенная уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 (*внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, достоверности внесенных в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета сведений, заведомо для подтверждающего лица являющихся неполными или недостоверными, в целях сокрытия у клиента организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги, предусмотренных законодательством РФ признаков банкротства кредитной или иной фи-*

нансовой организации либо оснований для отзыва (аннулирования) лицензии и (или) назначения в организации временной администрации), групповым способом — организованной группой или группой лиц по предварительному сговору. Групповой квалифицирующий признак замечаний не вызывает, подобный признак предусмотрен во многих составах гл. 22 УК РФ, что является обоснованным, так как большинство подобных преступлений в силу сложной, многоуровневой конструкции объективной стороны совершаются несколькими лицами. Однако установление его только в отношении ч. 2 ст. 170.1 УК РФ вызывает вопросы. Как мы указывали выше, практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 170.1 УК РФ существует только по ч. 1. Изученные нами приговоры (более 50) позволяют сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев деяние совершается именно групповым способом, что требует квалификации действий виновных лиц со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. В этой связи представляется необходимым предусмотреть групповой квалифицирующий признак для основного состава преступления. Объединение в одном квалифицирующем признаке угрозы насилия и применения насилия, по нашему мнению, не соответствует основному правилу криминализации — соответствие уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности. Дифференциация уголовной и административной ответственности (ст. 14.25 КоАП РФ) осуществляется по характеру предоставляемых сведений и субъекту. В ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ установлена административная ответственность в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от 5 до 10 тыс. руб. за непредставление или представление недостоверных сведений о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в случаях, если такое представление предусмотрено законом. Таким образом, субъект административной ответственности — специальный: должностное лицо, характер сведений — недостоверные. К недостоверным сведениям, в частности, относятся: сведения о местонахождении юридического лица⁶, об адресах места жительства участников и органов управления юридическим лицом⁷; подписание документов неуполномоченным лицом⁸, несоответствие заявленных ОКВЭД реально осуществляемой деятельности⁹; несоответствие заявленного вида изменений в ЕГРЮЛ реальному управ-

ленческим решениям¹⁰. В ч. 5 ст. 14.25 КоАП РФ установлена ответственность в виде дисквалификации должностного лица на срок от 1 года до 3 лет за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 14.25 КоАП РФ, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния. В данном случае субъект ответственности также специальный, а характер заведомо ложных сведений устанавливается методом исключения.

Выводы

- ▶ В ст. 170.1 УК РФ установлена ответственность за деяния, имеющие различные характер и степень общественной опасности. Общее понятие «рейдерство» как объединяющие различные способы выполнения объективной стороны, а также предметы противоправного воздействия не закреплено в российском законодательстве, имеет оценочный, собирательный характер, что существенно затрудняет определение правового и социально-экономического содержания данного явления, и, как следствие, — инструментов и способов его уголовно-правовой охраны;
- ▶ деяние, предусмотренное ч. 4 (квалифицированный состав — ч. 5) ст. 170.1 УК РФ по характеру общественной опасности не соответствует иным преступным деяниям, фактически посягает на иные отношения, нежели возникающие в связи с реализацией права на корпоративное управление, а также имущественные отношения и отношения по обеспечению достоверности сведений государственных информационных ресурсов;
- ▶ установление момента окончания преступления, момента представления документов для регистрации или учета прав в связке с целью их представления не соответствуют модели уголовно-правовой охраны схожих общественных отношений (ст. 173.1 УК РФ) и не соответствуют характеру и степени общественной опасности. В этой связи момент окончания рассматриваемого преступления необходимо определять датой внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ, реестр владельцев ценных бумаг и систему депозитарного учета;
- ▶ формулировка целей совершения преступления, предусмотренного ст. 170.1 УК РФ, некорректна, так как позволяет понимать указанные в диспозиции цели и как самостоятельные, и как обязательные. Указанное требует внесения изменений в части криминообразующего признака в виде цели совершения преступления. Цели преступле-

⁶ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 08.04.2013 по делу № А82-8090/2012.

⁷ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.05.2020 № Ф10-1579/2020 по делу № А54-7701/2019.

⁸ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.02.2016 № Ф02-174/2015 по делу № А33-10727/2015.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.06.2021 № Ф04-2101/2021 по делу № А45-13974/2020.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2017 № Ф06-23249/2017 по делу № А65-18714/2016.

- ния необходимо сформулировать как самостоятельные с соединительным союзом «или»;
- деяния, ответственность за которые установлена в ч. 2 и ч. 4 (как следствие, в квалифицированных составах: ч. 3 и ч. 5) не имеют криминологического критерия общественной опасности по признаку статистических показателей совершения преступлений;
 - групповой квалифицирующий признак необходимо распространить на основной состав преступлений. Квалифицирующий признак о совершении преступления путем угрозы применения насилия либо с насилием следует дифференцировать.

Литература

1. Лебедев И. Рейдерский захват предприятия как преступление в РФ: проблемы квалификации при отсутствии специальной нормы в УК РФ. URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Щеглов Ю.А., Тураев А.А., Козяева А.В., Скворцов А.Ю. Проблема недружественного поглощения (рейдерского захвата) предприятий малого и среднего бизнеса в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. 2019. № 2. С. 41—49.
3. Шахкелдов Ф.Г., Степанов С.Д. Рейдерство: понятие и криминологическая характеристика способов совершения преступления // Юристы-Правоведы. 2020. № 3. С. 103—107.
4. Загитова Э.А. Тенденции преступлений, связанных с противоправным поглощением юридических лиц (рейдерством) // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. XVI. № 1. С. 168—170.
5. Загитова Э.А. Рейдерский захват: понятие и способы противодействия // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 6. С. 208—217.
6. Павлов А.А. Понятие корпоративного управления в российском гражданском праве // Понятие корпоративного управления в российском гражданском праве. 2020. № 2. С. 84—89.
7. Леванова Л.Н. Развитие системы корпоративного управления в России : монография. Саратов : Амирит, 2017. 312 с.
8. Бакунов Н.В., Мухаровский Н.В. «Корпорация», «корпоративное управление»: подходы к трактовке сущности категорий // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 3. С. 48.
9. Гутникова О.В. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций: проблемы и перспективы развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 45—90.
10. Золотухина Д.С., Мишук А.И., Черемисина К.М., Степанова А.С. Корпоративные отношения по поводу управления хозяйственным обществом // Образование и право. 2023. № 7. С. 473—476.
11. Еремин М.С. Корпоративное управление в современном корпоративном праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 3. С. 193—197.
12. Муса В., Федулов В.И. К вопросу о понятии корпоративного управления в России и зарубежных странах // Образование и право. 2021. № 3. С. 174—177.
13. Лаптева А.М. Понятие и виды инвестиционных ценных бумаг // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 219—227.
14. Чиклаев Р.В. Развитие правовых режимов ценных бумаг в системе финансовых инструментов // Ex iure. 2021. № 4. С. 95—115.
15. Брижак О.В. Финансовый капитал на новом витке реформирования экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3. С. 64—61.
16. Шайхутдинов Ф.Ф. Некоторые аспекты уголовной ответственности должностных лиц за внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений // Евразийская адвокатура. 2023. № 3. С. 96—100.
17. Орешкин М.И. Некоторые проблемы квалификации преступлений, связанных с корпоративными захватами (по материалам судебной практики). Часть 2 // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4. С. 85—89.
18. Гладких В.И. Ответственность за фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета (ст. 170.1 УК РФ) как один из способов борьбы с рейдерством // Российский следователь. 2021. № 7. С. 36.

PENAL LAW

FALSIFICATION OF SINGLE REGISTERS: A THEORETICAL-CUM-APPLIED MODEL OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Anna Korennaia¹¹

Keywords: *single government register, registers of securities owners, depository accounting system, falsification, documentary fraud, unauthorised access, false information.*

¹¹ Anna Korennaia, Ph.D. (Law), advocate, Associate Professor at the Criminal Law and Criminology Department of the Altai State University, Barnaul, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5704-4467. E-mail: lauer_ann@mail.ru

Abstract

Purpose of the work: monitoring the content of criminal prohibition provided in Article 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifying the positive and negative in the elements of the act, building a theoretical-cum-applied model of criminal law protection of registers and the depository accounting system.

Methods used in the study: the universal dialectical method of cognition was used as a general scientific research method. The theoretical modelling method was used as the basic interdisciplinary method, as a way to construct an ideal image resulting in a normative model of legal regulation. The formal logic method was used as the special method of cognition underlying this work.

Study findings: significant shortcomings of criminal liability for falsifying the single government register of legal persons, register of securities owners, and depository accounting system were identified. The author came to the conclusion that the offence considered in the study belongs to multi-object acts, and criticised this approach of the legislation for violating the principles of justice and equality. Using this construction leads to an imbalance of differentiation criteria as regards establishing qualified elements of offences.

Practical value: based on the results of the study, proposals were put forward for improving Article 170.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Lebedev I. Reiderskii zakhvat predpriiatiia kak prestuplenie v RF: problemy kvalifikatsii pri otsutstvii spetsial'noi normy v UK RF. URL: <https://zakon.ru/> (data obrashcheniia: 19.04.2023).
2. Shcheglov Iu.A., Turaev A.A., Koziava A.V., Skvortsov A.Iu. Problema nedruzhestvennogo pogloshcheniia (reiderskogo zakhvata) predpriiatiia malogo i srednego biznesa v Rossii. Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Ekonomicheskie nauki, 2019, No. 2, pp. 41–49.
3. Shakhkeldov F.G., Stepanov S.D. Reiderstvo: poniatie i kriminalisticheskaia kharakteristika sposobov soversheniia prestupleniia. Iurist'-Pravoved', 2020, No. 3, pp. 103–107.
4. Zagitova E.A. Tendentsii prestuplenii, svyazannykh s protivopravnym pogloshcheniem iuridicheskikh lits (reiderstvom). Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki, 2020, t. XVI, No. 1, pp. 168–170.
5. Zagitova E.A. Reiderskii zakhvat: poniatie i sposoby protivodeistviia. Nauchnye mezhdistsiplinarnye issledovaniia, 2020, No. 6, pp. 208–217.
6. Pavlov A.A. Poniatie korporativnogo upravleniia v rossiiskom grazhdanskom prave. Poniatie korporativnogo upravleniia v rossiiskom grazhdanskom prave, 2020, No. 2, pp. 84–89.
7. Levanova L.N. Razvitie sistemy korporativnogo upravleniia v Rossii : monografiia. Saratov : Amirit, 2017. 312 pp.
8. Bakunov N.V., Mukharovskii N.V. "Korporatsiia", "korporativnoe upravlenie": podkhody k traktovke sushchnosti kategorii. Vestnik Omskogo universiteta. Seriia "Ekonomika", No. 3, p. 48.
9. Gutnikova O.V. Korporativnaia otvetstvennost' uchastnikov kommercheskikh korporatsii: problemy i perspektivy razvitiia. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, No. 1, pp. 45–90.
10. Zolotukhina D.S., Mishchuk A.I., Cheremisina K.M., Stepanova A.S. Korporativnye otnosheniia po povodu upravleniia khoziaistvennym obshchestvom. Obrazovanie i pravo, 2023, No. 7, pp. 473–476.
11. Eremin M.S. Korporativnoe upravlenie v sovremennom korporativnom prave. Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki, 2020, No. 3, pp. 193–197.
12. Musa V., Fedulov V.I. K voprosu o poniatii korporativnogo upravleniia v Rossii i zarubezhnykh stranakh. Obrazovanie i pravo, 2021, No. 3, pp. 174–177.
13. Lapteva A.M. Poniatie i vidy investitsionnykh tsennykh bumag. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo, 2021, No. 1, pp. 219–227.
14. Chikulaev R.V. Razvitie pravovykh rezhimov tsennykh bumag v sisteme finansovykh instrumentov. Ex iure, 2021, No. 4, pp. 95–115.
15. Brizhak O.V. Finansovyi kapital na novom vitke pereformatirovaniia ekonomicheskogo razvitiia. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, No. 3, pp. 64–61.
16. Shaikhutdinov F.F. Nekotorye aspekty ugolovnoi otvetstvennosti dolzhnostnykh lits za vnesenie v edinye gosudarstvennye reestry zavedomo nedostovernykh svedenii. Evraziiskaia advokatura, 2023, No. 3, pp. 96–100.
17. Oreshkin M.I. Nekotorye problemy kvalifikatsii prestuplenii, svyazannykh s korporativnymi zakhvatami (po materialam sudebnoi praktiki). Chast' 2. Sibirskii iuridicheskii vestnik, 2023, No. 4, pp. 85–89.
18. Gladkikh V.I. Otvetstvennost' za fal'sifikatsiiu Edinogo gosudarstvennogo reestra iuridicheskikh lits, reestra vladel'tsev tsennykh bumag ili sistemy depozitarnogo ucheta (st. 170.1 UK RF) kak odin iz sposobov bor'by s reiderstvom. Rossiiskii sledovatel', 2021, No. 7, p. 36.

